

Начало исчисления срока задержания по подозрению в совершении преступления

Барабаш А.С.
д.ю.н., профессор кафедры
уголовного процесса, Юридического института,
Сибирского федерального университета
Опубликована в ж. Законность, 2011. № 1, с. 47-48.

Автор данного текста кроме научной и преподавательской работы уже в течение семи лет, являясь сотрудником Красноярского «Общественного комитета по защите прав человека», проводит общественные расследования по жалобам граждан, пострадавших от незаконного физического и психического насилия со стороны сотрудников милиции. Очень часто в рамках этого расследования мы наталкиваемся на ситуации, когда срок фактического задержания по подозрению в совершении преступления намного превышает тот, что отражен в официальных документах следствия.

Сотрудники правоохранительных органов, толкуя уголовно-процессуальное законодательство, придают ему смысл, в соответствии с которым срок задержания начинает течь с момента окончания доставления лица. Таким образом, получается, что лицо в период между захватом и окончанием процедуры его доставления к следователю находится вне рамок правового регулирования. Этот период достаточно интенсивно используется оперативными сотрудниками милиции для выбивания явки с повинной. Получение ее решает сразу несколько задач: легализует основание для задержания, тогда, когда оно изначально, как правило, базировалось на очень смутных подозрениях; позволяет рапортовать, в надежде на поощрение, которые зачастую сбываются, о задержании лица, причастного к совершению преступления.

Среди многих случаев из нашей практики наиболее яркой является ситуация, которая сложилась по жалобе Ч., обратившегося в наш комитет за помощью. Заявитель жаловался, кроме применения незаконного насилия

сотрудниками милиции, на то, что фактически он был задержан примерно в 16⁰⁰ 25.01.2009 г. в п. Шушенское, протокол же задержания был составлен в 04 часа 27.01.2009 г. в г. Красноярске. В одном из ответов прокуратуры Красноярского края на жалобу заявителя сообщалось следующее: «В протоколе задержания указано время задержания 02 часа 27. 01. 2009, время составления протокола – 04 часа 27.01.2009. Согласно рапорту оперуполномоченного ОРЧ -1 УР ГУВД по краю Н. Вы задержаны 26.01.2009 в 19 часов, доставлены к следователю, уполномоченному в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ произвести задержание и составить соответствующий протокол, 27.01.2009 в 02 часа. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, после чего в течении трех часов составляется протокол задержания. В связи с этим фактическое задержание произведено следователем в 02 часа 27.01.2009, то есть непосредственно после доставления, а протокол составлен в 04 часа 27.01.2009, что не противоречит требованиям части первой ст. 92 УПК РФ». В ответе не содержится обоснования утверждения, что срок фактического задержания должен исчисляться с момента доставления к следователю. Ссылка на часть первую ст. 92 УПК РФ в этом случае не может быть принята, т.к. в этой части говорится только о том, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания.

Обращаем внимание на логическую противоречивость приведенной выдержки из ответов работников прокуратуры: утверждается, что срок задержания исчисляется с момента доставления следователю, а выше пишется, что Ч. был задержан согласно рапорту Н. 26.01.2009 в 19 часов. Но и это не все. Опровергая утверждения Ч. о применении к нему насилия в ОРЧ – 1 г. Красноярска, указанные выше сотрудники прокуратуры ссылаются на его объяснения о том, что насилие к нему применялось в ОВД по Шушенскому району после задержания. Попутно заметим, что объяснения Ч. о примененном к нему в Шушенском ОВД насилии не опровергают и не

могут опровергать его объяснений о том, что насилие к нему применялось и в ИВС ГУВД по КК и в ОРЧ – 1. В итоге Ч. задерживался три раза по одному и тому же поводу, но срок задержания предлагается исчислять с момента доставления к следователю.

Подобное понимание момента фактического задержания, с которого необходимо исчислять его сроки не соответствует не только международному, но и российскому законодательству. Уже не раз Европейский Суд по правам человека констатировал, что в России нарушают ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующую свободу и неприкосновенность личности. В ряде его решений говорится о жертвах недокументированного задержания и подчеркивается, что лишение свободы без ее фиксации является нарушением самой сути гарантий статьи 5 Конвенции и тот факт, что задержание не было надлежащим образом зафиксировано признается грубейшим нарушением (см. Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против РФ» (жалоба № 59261/00; Страсбург, 9 марта 2006 г.); Постановление Европейского Суда по делу «Читаев и Читаев против РФ» (жалоба № 59334/00; Страсбург, 18 января 2007 г.)).

Следовательно, если руководствоваться решениями Страсбургского Суда, а мы должны это делать, – момент фактического задержания определяется моментом лишения свободы.

Эту же логику реализовал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова. Своим решением он внес ясность в определение начала исчисления срока задержания подозреваемого. В Постановлении сказано, что лицу гарантируется право на получение юридической помощи «если уполномоченными органами власти в отношении этого лица приняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, -

удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность"¹. Эту позицию Конституционный Суд подтвердил в ряде своих последующих решений².

Правовой подход, сформулированный Судом к пониманию содержания понятия "подозреваемый" позволяет отождествлять момент фактического задержания с моментом захвата лица, совершившего преступление, и включать время его доставления в срок задержания подозреваемого.

Положения этого постановления нашли отражение в ряде статей УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ «При задержании срок исчисляется с момента фактического задержания», а п. 15 ст. 5 УПК расставляет все точки над i, связывая момент фактического задержания с моментом фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Исходя из системного толкования вышеназванных норм, можно сделать вывод, что срок задержания начинает исчисляться именно с момента фактического задержания, т.е. с того момента, когда лицо было фактически лишено возможности распоряжения своим конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность, гарантированным ст. 22 Конституции РФ. Лишение права на свободу выражается в фактическом лишении свободы передвижения, что является задержанием в физическом смысле. Именно об этом говорит п. 15 ст. 5 УПК РФ.

Таким образом, используя терминологию Страсбургского Суда, Ч. – жертва недокументированного задержания, лишённая незаконно свободы с 16⁰⁰ 25.01.09 по 04 часа 27.01.2009.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 № 11-П // СЗ РФ.- 2000.- № 27.- Ст. 2882 .

² Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 № 350-О «По жалобе гражданина Кузина Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частью первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант +»; Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 № 890-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мелкомяна Эдуарда Мелкумовича на нарушение его конституционных прав положениями ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант +».